

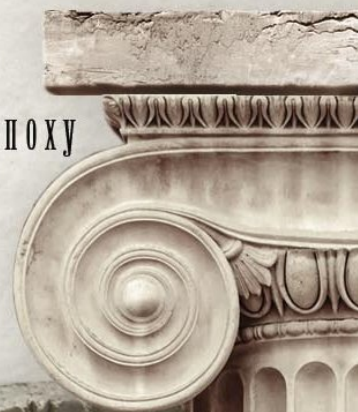
Энтони
Эндрюс

ДРЕВНИЕ ГРЕКИ

От возвышения Афин в эпоху
греко-персидских войн
до македонского
завоевания

Энтони Эндрюс

**Древние греки. От возвышения
Афин в эпоху греко-персидских
войн до македонского завоевания**

«Центрполиграф»

1967

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)32

Эндрюс Э.

Древние греки. От возвышения Афин в эпоху греко-персидских войн до македонского завоевания / Э. Эндрюс — «Центрполиграф», 1967

ISBN 978-5-9524-5281-7

Выдающийся исследователь в области истории Древнего мира, профессор Оксфордского университета Энтони Эндрюс представил яркую картину характерных особенностей древнегреческого общества в архаическую и классическую эпохи, начиная с VIII и заканчивая IV веком до н. э. В оригинальной и доступной форме автор освещает историю разнообразных общественных институтов и социальных установок, многие из которых унаследовал современный западный мир. Уделяя огромное внимание археологическим данным, Эндрюс рассказывает о греческих племенных и родовых сообществах, видах землевладения, о колонизации и рабстве. Он также обращает внимание на последствия для общества деятельности судов, вскормивших ораторское искусство, смены полководцев, противостояния спартанской военной мощи и могущественного афинского флота, о влиянии, оказанном на социум древнегреческой религией. Повествование сопровождаются карты и фотоматериалы. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-9524-5281-7

© Эндрюс Э., 1967
© Центрполиграф, 1967

Содержание

Древние греки	8
Предисловие	8
Глава 1	11
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Энтони Эндрве
Древние греки. От возвышения
Афин в эпоху греко-персидских
войн до македонского завоевания

Antony Andniwds
THE HEREEKS

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2017

Древние греки

Предисловие

Люди, которых мы называем греками, именовали себя, как и их потомки, эллинами и первоначально жили на территории современной Элады, Балканского полуострова и на ост-

ровах Эгейского моря. Однако на протяжении большей части исторического периода, о котором идет речь в данной книге, в число эллинов не входили многочисленные племена, жившие на севере и северо-западе полуострова, но при этом к ним относились «восточные греческие» поселения, располагавшиеся на западном побережье Турции, «западные греческие» города на юге Италии и на Сицилии, а также колонии, разбросанные по берегам Средиземного и Черного морей.

Хотя некоторое внимание нельзя не уделить доисторическим временам, в основном в книге речь идет о цивилизации, представители которой получили письменность до конца VIII в. до н. э., противостояли вторжению персов в 480 г. до н. э., были разобщены во время Пелопоннесской войны между Афинами и Спартой, разразившейся в конце V в. до н. э., и оказались под властью македонян во второй половине IV в. до н. э. В истории Древней Греции принято условно выделять архаический период, закончившийся примерно в 500 г. до н. э., и классическую эпоху, которая пришлась на V и большую часть IV в. до н. э. Период, начавшийся со смерти Александра Македонского в 323 г. до н. э. и завершившийся римским завоеванием, называют эллинистическим. Эта классификация, удобная для историков, не отражает внезапные и тотальные перемены в жизни древнегреческого общества. Вместе с тем в целом классическая Греция значительно отличается от архаической. Хорошим водоразделом между этими двумя эпохами могут послужить реформы, проведенные Клисфеном в Афинах в 507 г. до н. э., или Греко-персидские войны, достигшие апогея во время вторжения 480 г. до н. э.

Носителям микенской цивилизации посвящены легенды, рассказывающие об этом блистательном периоде (ок. 1600–1200 до н. э.), в которых сохранились в той или иной степени искаженные воспоминания об этих людях. Именно их настоящие или выдуманные вожди являлись главными действующими лицами героического периода, сохранившегося в памяти всех древних греков. Еще более важным временем стали «темные века», последовавшие за гибелью микенской цивилизации, так как именно тогда сложились институты, характерные для архаической Греции. «Темными» их называют потому, что на протяжении более чем четырех столетий в Греции не было письменности, поэтому до нашего времени не дошли письменные источники того периода и при написании этой книги мы, огорченные своим незнанием того, что именно происходило в «темные века», при освещении разных проблем вынуждены были ставить жирные вопросительные знаки. Таких вопросов довольно много, особенно если речь идет о микенской цивилизации, при изучении которой новые открытия и объяснения могут заставить ученых полностью пересмотреть картину, нарисованную в этой книге. Я не пытался сделать всестороннюю зарисовку, а в основном сосредоточил свое внимание на двух источниках, лучше всего отражающих состояние общества в те времена, когда они были написаны. Это тексты, выполненные так называемым линейным письмом Б, расшифрованным Майклом Вентрисом, и поэмы Гомера, рассказывающие о героическом периоде, но позволяющие делать выводы о «темных веках», так как описываемый в них общественный строй характерен для более позднего периода, когда в Греции завершились волнения и переселения.

В этой книге читатель не найдет подробного рассказа об архаической и классической Греции. Я попытался охарактеризовать только основные этапы и поворотные точки политической истории страны, последовательно рассмотреть различные аспекты древнегреческого общества, имевшие место вплоть до македонского завоевания. В книге отсутствует систематическая характеристика искусства и литературы, но я надеюсь, что читатель не решит, будто я считаю данные темы не важными. Кроме того, я недостаточно компетентен для того, чтобы погружаться в подробное описание древнегреческой философии и ее достижений. Обширные подробные знания о повседневной жизни древних греков можно найти во многих трудах. Я же скорее стремился охарактеризовать основные и неотъемлемые черты древнегреческого общества, обращая особое внимание на моменты, которые могут показаться незнакомыми современному читателю.

Решение остановиться на завоевании Александром Востока оказалось гораздо более сложным. Древние греческие города продолжили свое существование и после этого, и современные историки все большее внимание уделяют изучению эпохи эллинизма. Как великолепно продемонстрировал М. Ростовцев, благодаря гораздо большему корпусу источников, относящихся к эллинистическому периоду, исследователи могут столь многого добиться при изучении общества и экономики того времени. В то время как это общество само по себе или в качестве одного из этапов гораздо более масштабного процесса в высшей степени заслуживает изучения, его происхождение и многие ценности значительно отличаются от свойственных классической Греции, которой и посвящена данная книга. Чтобы отдать должное эллинистическому миру (конечно, если бы я вообще был бы на это способен), мне пришлось бы подробно описать его своеобразную основу, для чего явно недостаточно короткого эпилога, а детальный рассказ занял бы все пространство, необходимое для описания основной темы, и без того раскрытой довольно схематично. Ключевой вопрос состоит в том, позволяет ли этот более поздний период пролить достаточно яркий свет на более ранние, чтобы оправдать необходимые для его освещения упрощения. Полагаю, что ответ должен быть отрицательным.

Глава 1

География и климат

Прозрачный воздух Греции, строгие очертания и цвет ландшафта – все это говорит путешественнику с севера или запада о том, что он попал в совершенно другой мир. Он будет поражен, особенно если, приехав летом, увидит местную землю, практически полностью лишенную растительности. Древняя цивилизация развивалась в основном на юге и востоке, в местности, где возвышаются известняковые горы, где летом почти не бывает дождей, а посеянный зимой урожай собирают очень рано, где лишь в немногих реках вода течет на протяжении всего года. Везде возвышаются горы, и благодаря глубоко изрезанному побережью большая часть местности находится рядом с морем. Это очень бедная земля, и даже самые богатые из местных жителей никогда здесь особенно не шикавали. Но на этой земле можно жить полной жизнью, пользуясь довольно скудными ресурсами. Местный климат не вынуждает людей сидеть дома, а, наоборот, заставляет их выходить наружу, где они могут повстречаться с соседями. Сами по себе география и климат не привели к появлению многочисленных достижений древних греков, но они определили некоторые аспекты развития древнегреческой цивилизации.

Начав рассказ о самом полуострове, следует отметить, что Северную Грецию делит на две части высокий горный хребет Пинд, протянувшийся с севера на юг. К западу от него расположены более мелкие хребты, в целом повторяющие его очертания. В северной части западного побережья они граничат с морем, оставляя совсем мало места для пригодных для возделывания равнин и еще меньшего числа бухт. Более просторный восток, с другой стороны, поперечно прорезают горные хребты, тянущиеся с востока на запад, отделяя Фессалию от Македонии, Беотию – от Фессалии, а Аттику – от Беотии. К югу от них два узких морских залива – Сароникос и Коринфский залив – почти соединяются, будто намереваясь превратить Пелопоннес в остров, чему мешает узкий Истмийский, или Коринфский, перешеек. На Пелопоннесе горные хребты опять же направлены с севера на юг, превращаясь в длинные пустынные мысы. Однако горные хребты Эвбеи и Аттики тянутся на юго-восток к Эгейскому морю, где их гребни превращаются в острова, и загибаются на восток, чтобы там соединиться с горами западной части Малой Азии.

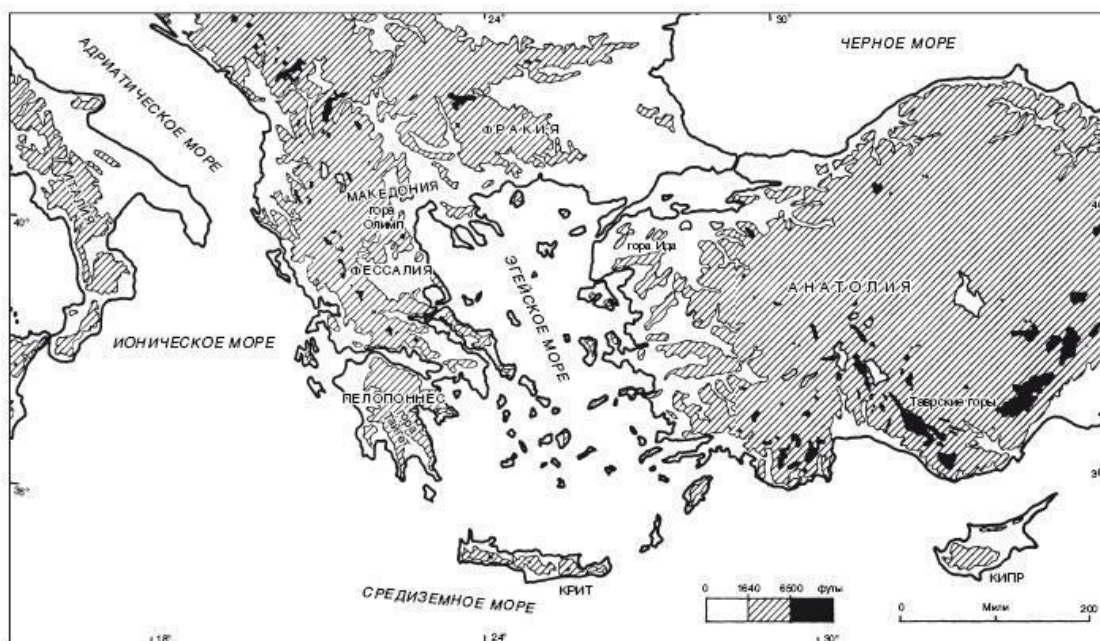
Внешне полоса прибрежной земли, известная нам сейчас как западная часть Турции, и находящиеся в прибрежной акватории крупные острова, до сих пор принадлежащие Греции, очень похожи на саму эту страну, лежащую на противоположном берегу Эгейского моря, но для них (особенно для расположенной в центре Ионии) характерен более мягкий климат. Греков влекла эта местность, простирающаяся на довольно большое расстояние от долин крупных рек. Однако, поднявшись на центральное плато Анатолии, можно увидеть другой, гораздо менее гостеприимный мир, который находился под влиянием эллинов, но не был заселен ими вплоть до походов Александра Македонского. К северу от Эгейского моря лежало побережье Фракии, более суровая, но относящаяся к сходному типу местность. Она привлекала греческих поселенцев, однако им так и не удалось произвести впечатление на племена, жившие в местных горах. На юге из Эгейского моря выглядывает узкий и высокий остров Крит, а пробел между ним и Малой Азией частично закрывают острова Карпатос и Родос. На них греки также с удовольствием селились.

Море проникает глубоко внутрь самой Греции, благодаря чему люди плавали по Эгейскому морю еще в эпоху неолита. Конечно, не все жившие в основной части Греции любили море или хорошо были с ним знакомы. Уже в классическую эпоху в прибрежных регионах ощущалась нехватка древесины, пригодной для кораблестроения. Судостроение было весьма авантюрным и опасным делом, особенно при условии, что тогда еще не был изобретен компас,

и заниматься им можно было только летом, когда в Эгейском море дули несильные, но постоянные ветры. Но для очень многих эллинов море было важной составляющей их жизни, о которой они никогда не забывали, так как почти постоянно видели. Греческие поэты во все времена восхищались красивыми кораблями, и даже Гесиод (о котором речь пойдет ниже), ненавидевший покидать сушу, решил, что должен включить в свою поэму, написанную в форме увещаний и наставлений и предназначенную для мелких землевладельцев, фрагмент, посвященный плаванию. Греки не могли избежать выхода в Эгейское море.

Горы Южной и Восточной Греции сложно назвать непреодолимыми преградами. На них нередко возлагают ответственность за особенности сложившейся в этой местности политической системы, появление ревниво оберегавших свою независимость городов-государств и нежелание одних эллинов объединяться с другими. Без этих естественных преград грекам, несомненно, было бы гораздо проще создать одно политическое объединение.

Однако не самые низкие горы Пелопоннеса были лишь незначительной преградой для спартанских войск и еще меньшей помехой для мирных путешественников. Передвигаться между Коринфом, Мегарой, Атикой и Беотией можно было без каких-либо затруднений. Единственной из всех основных местностей, составлявших цивилизованную греческую ойкумену, стоявшей особняком была Фессалия. Возможно, причиной этого отчасти стали высокие горы, кольцом окружавшие равнину, на которой она находилась.

Бассейн Эгейского моря и соседние земли

Тем не менее, продвигаясь на север, путешественник сталкивается со все более серьезными преградами. Для того чтобы пересечь основной горный хребет Северной Греции, двигаясь с востока на запад, придется приложить больше усилий, чем для передвижения в том же направлении по Пелопоннесу, а на самой северной оконечности Греции, неподалеку от основной части Балканского полуострова, тянутся еще более высокие горы. Сами по себе они никогда не сдерживали вторжения с севера или поэтапные миграции, если для подобных явлений были и другие причины, но в то же время представляют собой заметную преграду для регулярных путешествий. В период развития и величия Греции, когда она находилась в зените славы, северные горцы лишь изредка и нерегулярно осмеливались попробовать спуститься к побережью Эгейского моря. Да и сами эллины, жившие в то время, не проявляли какого-либо значительного интереса к местностям, где жили горцы, за исключением расположенной на востоке

Фракии с ее серебряными рудниками, способными привлечь к себе внимание греков. Для афинян классического периода племена, населявшие район крупнейшей горной гряды, расположенный к северу от Коринфского залива и к западу от Фессалии, были недостаточно греками, а расположенные еще севернее Балканы считались малоизученной и чужеродной местностью. Даже когда дикие жители этих областей были «приручены» римлянами и приобщились к цивилизации, крупнейшие дороги шли с востока на запад, оставляя с одной стороны наиболее развитую часть Греции, а с другой – аппендикс, где обитали эти люди, не включая их, таким образом, в нее. Взглянув на карту, мы можем подумать, что Греция является частью Европы, но ее жители никогда не были уверены в существовании этой связи. По карте рельефа можно делать определенные выводы о том, какие факторы сделали бассейн Эгейского моря отдельной географической единицей, берега которой связаны друг с другом теснее, чем с окружающим их миром.

Греция не является частью Европы, но ее невозможно отнести и к Азии. Во время Великой греческой колонизации эллины расселялись по побережью Малой Азии, выбирая места с подходящими для них климатическими и прочими условиями, но центральная часть нагорья привлекала их внимание в гораздо меньшей степени. Движение с Анатолийского нагорья на запад более естественно. Жители внутренних областей всегда стремятся завоевать побережье, хотя в исторические периоды они, как правило, останавливались у берега моря. Распространить свою власть на весь бассейн Эгейского моря пытались только великие завоеватели, обладавшие более длинными руками, подобные персам и туркам. Малая Азия не была и каналом, через который происходили мирные контакты с Востоком. Что-то передавалось от одного народа другому по суше, в случае необходимости простые люди и целые армии пересекали плато, но во все времена добраться из Эгеиды в Сирию было проще всего по морю. Однако, чтобы проследовать по этому маршруту, необходимо было покинуть закрытый бассейн Эгейского моря и проследовать вдоль менее гостеприимных берегов или по открытому морю, а для этого нужно было обладать большей уверенностью в своих силах. Из-за географического фактора не из всех поселений в Сирии можно было с легкостью попасть в Грецию, а греческие города на Кипре никогда не были столь же неотъемлемой частью общества эллинов, как поселения, располагавшиеся на Родосе. Другой преградой был вход в Черное море, где царили сильные течения, да и само оно могло быть довольно малопривлекательным, как и открытое море, раскинувшееся к западу от Греции и отделявшее ее от Италии и Сицилии.

В данном смысле бассейн Эгейского моря представляет собой некую естественную обособленную единицу. Это позволяет объяснить факт того, что восточное и южное направления для греков были гораздо более важными, чем западное и северное, и внесли значительный вклад в развитие эллинской цивилизации. В западной части полуострова климат более влажный, а зима более теплая, что делает растительность более разнообразной. Расположенная на юго-западе Пелопоннеса Мессения и находящаяся на северо-западе Элида представляют собой плодородные области, способные прокормить многочисленное население. Дальше к северу на побережье располагалась целая цепочка греческих городов, большинство из которых было достаточно и процветающими, а расположенные неподалеку от берега острова, особенно Керкира (Корфу), остаются привлекательными до сих пор. Однако эти города-государства не играли важной роли и, несмотря на свое удобное для этого расположение, не занимали лидирующего положения даже в ходе колонизации Италии и Сицилии.

Греческие колонии, простиравшиеся от побережья Черного моря на северо-востоке до Марселя и берегов Испании на западе, а также включавшие в себя Киренаику на западном побережье Северной Африки, были более разнообразными, в том числе с точки зрения климатических условий, но везде, где условия не сильно отличались от тех, к которым греки привыкли на родине, или где местность еще не была заселена достаточно развитыми сообществами, способными на сопротивление эллинам, разрастались многочисленные греческие

поселения. Ниже в этой главе пойдет речь о самой Греции, полуострове и бассейне Эгейского моря, ибо именно там сформировалась древнегреческая цивилизация. Однако следует помнить, что не все сказанное ниже о климате и сельском хозяйстве можно применить (по крайней мере, без каких-либо изменений) ко всей колонизированной эллинами территории.

В целом климат Греции относится к средиземноморскому типу, хотя его в некоторой степени изменяют близость более крупных массивов суши, таких как Балканы и Малая Азия, и холодные ветры, дующие с Черного моря. Для района Афин и юго-восточной части полуострова характерна более высокая летняя температура, и на протяжении трех и более месяцев там вообще может не выпасть дождь, за исключением бурь, изредка случающихся, как правило, в период с середины июня до середины сентября. Летом растительность в основном высыхает. В Греции всегда дуют довольно сильные ветры, а в июле и августе на погоду сильное влияние оказывает постоянный северный или северо-восточный ветер, который древние называли эфесским и который делает погоду на островах более прохладной, но мешает деревьям. В другие времена года погода может неожиданно и резко меняться, как это происходит в странах, расположенных в бассейне Атлантического океана. Сильные дожди, как правило, начинаются в октябре и достигают максимума в декабре, но погода может оставаться теплой на протяжении всего ноября, так как море замедляет сезонное снижение температуры. Даже с наступлением зимы в районы, расположенные неподалеку от моря, приходят лишь умеренные холода. В Аттике, на равнине, снег обычно лежит не дольше одного-двух часов. Весна в Греции достаточно своенравна: хотя в марте может наступить несколько теплых дней, в целом зима еще не уступает своих позиций. В апреле и мае погода стабилизируется, температура поднимается, и везде внезапно появляются цветы и трава. В низине урожай созревает до конца мая.

В Западной Греции зимой больше дождей, и там дуют другие ветры, причем те, что прилетают с запада, приносят с собой влагу, проливающуюся на землю и горы. В целом лето здесь такое же, как на востоке, хотя период засухи длится меньше. Разница в климате становится заметной, если подняться в горы, где годовая сумма осадков может превышать среднюю норму для Центральной и Северной Европы, а летом температура не поднимается настолько высоко. Снежные шапки лежат на горных вершинах даже в июне, а под ними в самый разгар лета течет вода. Ниже располагается горно-лесной пояс, где растут дубы и другие деревья. Везде на уровне выше 900 метров лежат летние пастбища для овец и коз, в то время как на иссушенных солнцем равнинах деревья встречаются крайне редко, а воду достают из колодцев. На территории некоторых городов-государств, таких как Спарта с ее плодородной аллювиальной равниной, простиравшейся непосредственно под горами Тайгет, располагались зоны с обоими типами климата. При этом большую часть территории Афин и Коринфа занимали низины, а многие государства Аркадии полностью находились в высокогорной местности, и, соответственно, стиль жизни их обитателей отличался от того, к которому привыкли другие греки.

Небольшая сумма годовых осадков на юго-востоке является свидетельством того, что незначительные отклонения от нормы могут иметь серьезные последствия. Кроме того, часть этих дождей выпадает во время внезапных бурь, приносящих больше ущерба, чем пользы. Большинство рек Греции (там, где они есть) несет с собой в сторону равнин или моря значительное количество ила, и выше по течению хорошо заметна эрозия почвы. Точно определить, какое количество пахотной земли погибло из-за этих явлений, невозможно, но, несомненно, данный процесс имеет место. На некоторых участках земли, которые в настоящее время не возделываются, видны следы террасирования. Платон в своем диалоге «Критий» описывает раннюю Аттику, где холмы были покрыты землей, в то время как к периоду, когда жил философ, ее уже смыло и остались лишь скалы – оголенные кости земли. Он также пишет о густых лесах, покрывавших землю в те далекие времена и впоследствии исчезнувших. Несомненно, кое-что здесь исчезло. Греки использовали большое количество древесины в качестве топлива и строительного материала. Возможно, в более глубокой древности, когда храмы еще не стро-

или из камня, ее расход был еще выше. Рубка лесов неизбежно приводит к еще большему вымыванию почвы, а в климатических условиях Греции снова засаживать местность, причем таким образом, чтобы это было эффективно, крайне сложно, даже если сильно захотеть. Козы очень любят молодые побеги, из-за чего количество последних резко снижается. Платон преувеличивает, и кто-то может вполне обоснованно усомниться в том, что больше чем на четверти территории Греции можно было собрать хоть какой-то урожай. Однако «Критий», как и другие произведения древней литературы, ясно свидетельствует, что до нашей эры климатические условия в целом мало отличались от современных, и во многом виной тому стала деятельность человека. Но в целом почва равнины крайне плодородна, а теплый климат и солнце позволяют урожаю быстро созревать.

Заниматься земледелием в местности с подобным климатом (илл. 10, 11) все же довольно тяжело, хотя оно и отличается от того, к которому привыкли в более влажных регионах. Основная проблема земледельца заключалась в том, что осенью и зимой было слишком влажно, а летом – чересчур сухо. Решить ее, как и в случае с американским сухим земледелием, можно было с помощью постоянной обработки почвы, необходимой для того, чтобы измельчить ее и помочь ей сохранить влагу. Беотийский поэт Гесиод приводит в своей поэме «Труды и дни», написанной в форме увещаний и наставлений брату и его «коллегам» – мелким землевладельцам, земледельческий календарь, представляющий для нас огромный интерес, так как до нашего времени не сохранилось ни одного систематически изложенного трактата по земледелию. Изучая то, как велось сельское хозяйство после времен Гесиода, мы вынуждены опираться на косвенные упоминания всего, что может быть с ним связано, в других письменных источниках. Как правило, с одного поля урожай собирали не чаще чем раз в два года. Весной пар необходимо было обрабатывать с помощью плуга, а на протяжении всего остального года следили, чтобы он не зарастал. Снова засеивать его можно было следующим летом. Основные пахота и сев приходились на осень (заниматься этим рекомендовалось в октябре), но можно было рискнуть и отложить эти занятия до зимнего солнцестояния. Необходимо было следить за тем, чтобы семена не затопило водой или не смыло. Основной зерновой культурой была пшеница, хотя считалось, что некоторые почвы, например часть равнины Аттики, лучше подходят для выращивания ячменя. Раннеспелые сорта зерновых в низине убирали в мае. У Гесиода не было сена, о котором приходилось беспокоиться, поэтому в июне он позволял себе и своим людям радоваться и отдыхать, а в июле они приступали к веянию зерна. Затем следовал еще один непродолжительный перерыв, завершавшийся в сентябре, когда собирали основной урожай винограда, а в октябре все начиналось заново.

Вероятно, греки недалеко ушли от примитивных технологий, появившихся у них изначально. Правда, мы не так много знаем о технологиях, которые эллины использовали на ранних этапах развития своей цивилизации, так как Гесиод больше упрекал ленивых и расточительных, чем делился своими знаниями об орудиях труда и методах работы. Однако он все же более или менее подробно описал свой плуг, в который запрягали быков и который обладал относительно простым устройством с отдельными лемехом, дышлом и стойкой. При этом он советует земледельцу иметь в запасе более примитивное орудие, изготовленное из единого куска дерева. В обоих случаях у лемеха мог быть металлический наконечник, но Гесиод, сосредоточивший все свое внимание на сравнении различных пород дерева, его не упоминает. Сев проводился полностью вручную, что требовало большой аккуратности; жали с помощью одно-ручного серпа. Молотьба была более простым занятием – зерно рассыпали на круглом ороженном гумне, расположенном под открытым небом, которое до сих пор является весьма характерной частью греческого сельского пейзажа. Вытапывали зерно в основном быки, а шелуху относил ветер. Со временем греки стали использовать севооборот и проявлять значительный интерес к использованию разнообразных семян. Тем не менее до появления письмен-

ных источников других нововведений после начала использования лемеха с металлическим наконечником не было.

Летом на равнинах, за исключением болотистых местностей в Беотии и Фессалии, невозможно было устроить пастбища, да и обычный земледelec не мог позволить себе выделить для других целей участок земли, способный приносить урожай. Таким образом, лошадей, которых обожали представители древнегреческой элиты, могли позволить себе только богатые эллины и использовали их на скачках или во время войны. Кавалерия составляла лишь незначительную часть вооруженных сил города и была не очень эффективной, за исключением Фессалии и в некоторой степени Беотии. Мулы были важным транспортным средством (к тому же их можно было запрячь в плуг), но через горы было проложено слишком мало дорог, призванных соединить равнины друг с другом и пригодных для проезда по ним на колесах. Даже на равнине немощные дороги зимой тонут в грязи, из-за чего, как и до совсем недавнего времени, вьючный транспорт был нормой, но греки, по возможности, предпочитали передвигаться по морю. Быки были жизненно необходимы для пахоты, но пастбищ для них было очень мало. Молоко, из которого затем можно было изготовить сыр, греки в основном получали от коз. В источниках, относящихся ко времени после гомеровского периода, крайне редко упоминается овечье молоко, которое активно пьют современные греки, и овец, очевидно, использовали в первую очередь для получения шерсти, а затем уже – в качестве источников мяса. Овец и коз разводили в огромных количествах. Летом их по возможности уводили на холмы, хотя сезонные перегоны на отдаленные высокогорные пастбища, очевидно, организовывали не так часто, как в Средневековье и в наши дни. Однако в складках известняковых горных хребтов, покрывающих почти всю территорию Греции, можно встретить лишь очень скудную растительность, которая может послужить пищей для коз и в качестве топлива, но не имеет другого хозяйственного применения. Перегон животных на холмы лишал равнину одного из немногочисленных источников навоза, но его отчасти заменяли сожжение и перепаживание сорняков.

Вместо сливочного масла, столь важного в нашем рационе, греки использовали оливковое. Оливковые деревья, с их сильными корнями и узкими листьями, прекрасно приспособлены для того, чтобы получать из почвы максимум влаги и как можно меньше терять ее в летнюю жару. Урожай зерновых часто выращивают среди деревьев. Получаемое из их плодов масло, которое использовали при приготовлении пищи, для освещения помещений и в других целях, является одним из немногочисленных производимых в Греции продуктов, избыток которых можно экспортировать, и доход от земель, засаженных оливами, был, соответственно, выше. Поэтому, когда у греков появилась возможность ввозить зерно в достаточных количествах из других стран, они по вполне понятным причинам предпочли сажать оливковые деревья, а не злаки. Другим ведущим участником соревнований за землю были виноградники, представляющие собой группы низких кустарников, листья которых летом защищают почву от жгучих солнечных лучей. Виноградники довольно хорошо растут на большой высоте, в то время как оливы можно сажать только на равнинах или в нижней части горных склонов. Таким образом, в древности, как и в наши дни, гористые области, такие как Аркадия, где было немного пахотной земли, обменивали мясо и сыр на оливки и зерно, выращивавшиеся ниже.

Хлеб в Греции играл роль, которая может удивить современного жителя более северных краев, и весной, до сбора урожая, еды было совсем немного, особенно до того, как там стали выращивать кукурузу. Мясо ели по праздникам и в других особых случаях; во время публичных жертвоприношений бедняки получали обильную и сытную еду, а богу хватало жира и костей, которые сжигали на алтаре. Рыба была распространена более широко, и ее не только ели в свежем виде, но и сушили. Некоторые виды рыбы привозили издалека. Важную роль также играли яйца и овощи. Но основу рациона все равно составляли оливки, хлеб, молоко, сезонные фрукты и мед, использовавшийся вместо сахара. Человеку, живущему в таком теплом климате, нужно меньше еды, чем в более холодных северных странах. Выносливость гре-

своего расцвета в архаическую эпоху, но позднее, когда море затопило выработки, лишившемся этого источника дохода.

Однако наиболее важную роль играли Пангейские рудники во Фракии, к востоку от реки Стримон (Струма), где добывали не только серебро, но и золото. За обладание ими начиная с VI в. до н. э. с местными жителями соперничало несколько государств. Месторождения железа и меди встречались крайне редко, причем самые важные из них опять же находились на севере – в Македонии и Фракии. Вторыми по значимости были рудники, расположенные на Эвбее и в Лаконии. Однако, хотя в более поздние времена железо из Лаконии считалось очень качественным, вряд ли они начали разрабатываться в очень ранний период. В любом случае, как правило, все это железо не просто было обработать с помощью использовавшейся в древности технологии плавления, из-за чего большое количество металла пропадало. Медь привозили с Кипра, но олова, необходимого для изготовления сплава, то есть бронзы, всегда не хватало. Вообще до сих пор неясно, каким образом в эпоху бронзового века средиземноморские цивилизации получали этот крайне необходимый им металл. Железо добывали на северо-востоке Малой Азии и еще севернее, на территории современной Армении, и, возможно, первоначально греки получали данный металл из этого региона, над которым тогда потеряли контроль хетты. Позднее, но все равно в довольно ранний период греки нашли другой источник железа – они приобретали его у этрусков, живших в центральной части Италии.

Кроме того, грекам был крайне необходим материал для строительства кораблей. Здесь нет необходимости лишней раз подчеркивать, насколько важную роль судоходство играло в жизни эллинов. Однако в непосредственной близости от моря древесину найти было нелегко, и ее в основном приходилось завозить извне – из Македонии, Фракии или знаменитых сосновых лесов на горе Ида, возвышающейся неподалеку от Трои. Не могли эллины самостоятельно обеспечить себя и дегтем, парусиной и веревками.

Нам не стоит забывать о том влиянии, которое климат оказывает на общество. На протяжении большей части года греки могли работать, питаться и разговаривать на открытом воздухе и надевать на себя сравнительно небольшое количество одежды, тень была для них дороже солнца, и все это заметно повлияло на их образ жизни. У земледельцев, даже таких трудолюбивых, как Гесиод, оставалось время для отдыха, и древние греки, как и их современные потомки, любящие посидеть в деревенских кафе, тратили большую часть времени на разговоры со своими «сородичами» – земледельцами. Горожане испытывали ту же потребность, удовлетворению которой служили колоннады, украшавшие древнегреческие города и дававшие тень или служившие навесом, под которым можно было спокойно побеседовать. Не случайно от греческого слова *στοα*. использовавшегося для обозначения этих портиков, происходит название такой философской школы, как стоицизм. Зима не мешала общительным грекам – Гесиод, красноречиво описывавший холод, царивший в его доме, расположенном на высокогорье, подчеркивает, что крестьянину следует работать в собственном доме, а не бездельничать и не болтать в кузнице. Этот пассаж довольно явно свидетельствует о том, чем именно большинство людей предпочитало заниматься в холодное время года.

Соответственно, жизнь греков была максимально открытой. Человек испытывал гораздо большее давление со стороны общества, чем те, кто живет в местностях, где климат заставляет людей большую часть свободного времени проводить дома. Ему было гораздо сложнее скрыться от неодобрения и намного нужнее продемонстрировать то, что считалось достойным похвалы. Устная речь играла крайне важную роль: в политике все решало ораторское искусство, а письменные памфлеты были вторичны; поэзия предназначалась для декламации, а не для чтения про себя (если, пожалуй, не считать утонченных любителей, живших уже после окончания эпохи классики). Человеку, являющемуся частью цивилизации, где огромную роль играют сиюминутные влияния и где ему некогда задумываться и планировать свои действия,

необходимо всегда оставаться начеку и быть активным, и он с легкостью становится гордым и раздражительным, что очень хорошо заметно по современным жителям Греции. Северяне, возможно преувеличивающие контраст, склонны считать греков непостоянными и безответственными. Кто-то может усомниться в том, что греки в целом менее рациональны, но климат действительно влияет на ритм жизни и формирование идиом, и нам следует это учитывать.

Глава 2

Микенская цивилизация

В доисторическую эпоху Греция прошла через период палеолита (относящиеся к нему находки стали делать только недавно) и долгий период неолита, знания о котором также недавно стали значительно расширяться. Следующий за ними бронзовый век ученые разделили, основываясь на типах керамики, на три основных этапа, получившие для материковой Греции названия раннеэлладского, среднеэлладского и позднеэлладского периодов, причем каждый из них подразделяется на фазы, число которых может различаться¹. Среднеэлладский период начался около 1900 г. до н. э. и завершился после 1600 г. до н. э., когда начался позднеэлладский, который еще называют микенской цивилизацией в честь знаменитого укрепленного города, где были обнаружены относящиеся к нему артефакты. Около 1200 г. до н. э. эта цивилизация пережила ряд серьезных потрясений и скатилась в «темные века», для которых характерна утрата письменности, но на которые пришлось начало железного века. Для выделения его ранних фаз, протогеометрической и геометрической, опять же использовались типы керамики.

Анализ археологических данных и их включение в исторический контекст – занятие крайне сложное и спорное. На протяжении этого продолжительного промежутка времени имело место множество приходов и уходов, завоеваний и переселений. Значительный прорыв, произошедший в конце бронзового века, прекрасно фиксируется и датируется, так как переселявшиеся народы пытались пробиться из Европы в Египет и были отброшены назад Рамсесом III около 1190 г. до н. э. Мы можем быть уверены, что подобные передвижения имели место и раньше. Однако важные изменения в культуре, позволившие археологам разделить бронзовый век на этапы, не всегда происходят в результате переселений или завоеваний. Наоборот, завоевание может не приводить к каким-либо сдвигам в культуре. Изучая регионы, где ярко проявились такие симптомы, как уход из старых поселений или их уничтожение, новые стили в архитектуре или одежде, изменение погребального обряда и т. д., можно прийти к вполне логичному выводу о смене значительной части населения, вероятно произошедшей в результате применения силы. Даже если это так, не стоит забывать про население, обитавшее в этих местностях ранее, которое скорее могло попасть в подчиненное положение, чем быть уничтожено или поголовно изгнано. Соответственно, в более поздние периоды оно вполне могло снова дать о себе знать или сделать существенный вклад в развитие данного региона.

Говоря о памятниках, на которых находят только вещи, способные с легкостью пережить несколько столетий под землей, например керамику, такую хрупкую, но которую практически невозможно полностью уничтожить и которая может привлекать к себе несоразмерное ее значению внимание, следует быть крайне осторожным. Какие-то выводы можно сделать, изучив планировку древних поселений и их укреплений или из самого факта отсутствия вокруг них стен, погребальный обряд и сохранившиеся до нашего времени артефакты. Благодаря усовершенствованию методики археологических исследований мы со все возрастающей уверенностью можем устанавливать сходства, различия и связи. Однако до тех пор, пока в нашем распоряжении не появятся письменные источники, созданные представителями народа, строившего эти поселения и использовавшего те или иные предметы, мы не будем знать многие

¹ Микенская цивилизация Крита подразделяется на три периода; в истории цивилизации островов в Эгейском море выделяют три кикладских периода. В обоих случаях имеет место выделение внутри каждого периода отдельных этапов. При этом разделение на периоды не совпадает с классификацией, принятой для материковой Греции. В этой главе термин «микенский» время от времени используется для обозначения цивилизации, существовавшей на Крите в эпоху бронзового века, но подробная классификация, по моему мнению, здесь неуместна.

вещи об их мышлении и социальных институтах. При отсутствии других источников ученым всегда будет хотеться делать далеко идущие выводы, основываясь на особенностях орнаментации керамики. Но, изучая периоды, от которых до нашего времени сохранилось больше источников разных категорий, мы далеко не всегда находим связь между орнаментацией керамики и изменениями в других видах искусства, не говоря уже о соотношениях с общественным и политическим устройством.

Древние языки также играют важную роль. Древнегреческий принадлежит к индоевропейской языковой семье, но в рамках той ее ветви, к которой он относится, между языками нет тесной связи. Он содержит довольно большое количество слов, которые мы можем отнести к числу иноземных заимствований. Многие из них, несомненно, греки почерпнули из языков, на которых говорили их предшественники. Особенно активно заимствуются топонимы. Так, в Англии до сих пор сохранилось множество кельтских названий, а в Северной Америке – индейских. Однако сохранившиеся с древних времен слова, в отличие от археологических находок, нельзя классифицировать и датировать, да и определить, сколько новоприбывших нужно в каждом конкретном случае для того, чтобы завоеванное ими население заговорило на новом языке, совсем не легко. В самой Греции существовало множество диалектов, хотя они различались не настолько, чтобы не позволять жителям одной области понимать обитателей другой. Различия между этими диалектами и их распространение могут быть важным ключом к пониманию ранней истории говоривших на них людей, если, конечно, не забывать, что процессы складывания этих диалектов и взаимодействия между ними продолжались и в дальнейшем, а границы между диалектами были довольно изменчивы. В частности, предположение тех, кто рассуждает о первом появлении греков на полуострове, о том, что каждый диалект принадлежал отдельной компактной группе поселенцев, в корне неверно. Недавно ученые начали сомневаться, существовал ли древнегреческий язык тогда в том виде, в котором мы могли бы его узнать, и не сложился ли он только после того, как захватчики, говорившие на индоевропейском языке, ассимилировались с местным населением.

Другая группа проблем связана с устной традицией. Древние греки рассказывали множество историй о своих героических предках, и у нас нет сомнений, что в том или ином виде эти предания сохранились еще со времени существования микенской цивилизации и, пережив бесписьменную эпоху, были унаследованы эллинами более позднего времени, уже обладавшими письменностью. Греки, передававшие из поколения в поколение эти рассказы, очень трепетно относились ко всем деталям и подробностям, особенно связанным с именами и родословными. Но имеющиеся в нашем распоряжении аналогии, которых довольно много, свидетельствуют, что эти данные полезны для историков лишь в том случае, если они совпадают с содержащимися в других источниках, в том числе относящихся к иным типам. Все эти рассказы так или иначе связаны с двумя событиями – разрушением Фив и осадой Трои. Период, в который происходили эти события, представляет собой «эпоху героев» Греции. В средневековом эпосе Западной Европы подобную роль играют времена, когда жили Теодорих и Карл Великий. Историческая составляющая в поэтических произведениях, восхваляющих «эпоху героев», отсутствует, ибо задача поэта заключалась в том, чтобы доставить удовольствие слушателям. Несмотря на то что поэт, пересказывавший передающуюся из уст у уста легенду, будет считать, будто рассказывает правдивую историю, а его публика признает ее реальность, ни тот ни другие не смогут отличить достоверные факты от прекрасного вымысла. Мы также вряд ли можем, изучая сохранившиеся до нашего времени поэмы, понять, где заканчивается подлинная традиция и начинается фантазия конкретного поэта, хотя рациональные критики, как жившие в древности, так и наши современники, сделали для этого все, что могли. Еще сложнее делать какие-то выводы, изучая более поздние прозаические произведения, в которых пересказываются не сохранившиеся до наших дней поэмы. Город, названный археологами

Троей VIIA, был примерно в конце бронзового века сильно разрушен в результате воздействия человеческого фактора, и это позволило некоторым современным ученым поверить, что перед ними поселение, описанное в древнегреческих легендах, и что Троя действительно была уничтожена армией греков, возглавляемой царем Микен. Однако у нас имеются серьезные сомнения по поводу датировки и подробностей этого события, и до сих пор, как и прежде, есть исследователи, которые сомневаются в том, что греки вообще разрушали Трою. Сам по себе эпос не является надежным источником, и его огромная ценность для исторического исследования заключается в случайно оказавшихся в нем сведениях о мировоззрении, обычаях и предметах материальной культуры, относящихся к какому-либо периоду в прошлом или ко времени, когда жил поэт.

Говоря о периодах, изучение которых сопряжено с подобными ограничениями, следует постараться не делать каких-либо далеко идущих выводов. Так, развитие земледелия, позаимствованного с Востока, стало одним из наиболее ярких явлений, имевших место в далеком прошлом, позволив носителям неолитических культур перейти к оседлому образу жизни, но до сих пор остается спорным то, каким образом оно попало в Грецию – путем мирного взаимодействия с народами Малой Азии или из-за появления на ее территории какого-то нового народа. У нас нет сомнений в том, что в эпоху неолита люди уже умели передвигаться по морю, так как во многих неолитических поселениях использовались орудия труда, изготовленные из обсидиана с острова Мелос. Однако это не позволяет нам дать ответ на вопрос о происхождении земледелия. Кроме того, следует отметить, что сохранившиеся до нашего времени черепа людей, живших в тот период, как правило, относятся к так называемому средиземноморскому антропологическому типу, но среди них встречается довольно большое количество черепов, принадлежавших представителям альпийского типа. Соответственно, вряд ли следует говорить об этнической однородности местного неолитического населения; в более поздние времена оно было еще более разнообразным.

Более поздние периоды, на протяжении которых также происходили изменения, вызывают у исследователей аналогичные вопросы. Переход к бронзовому веку не был простым и не произошел в один миг. Представить себе постепенное начало использования металла и появление других нововведений, таких как гончарный круг, довольно легко. Однако на многих памятниках зафиксирован разрыв между неолитическим и раннеэладским периодами, а некоторые раннеэладские памятники могли появляться на пустом месте, и складывается впечатление, будто новый образ жизни распространялся по Греции, двигаясь с юга на север, причем он так и не сумел полностью затронуть Фессалию. Соответственно, неизбежно складывается гипотеза о том, что перед нами культура пришлого населения, изначально прибывшего сюда по морю. По сравнению с эпохой неолита в Греции значительно увеличилось количество жителей, появились тщательно продуманные укрепленные здания, подобные обнаруженным археологами в Лерне, расположенной в Арголиде. В Ферми на Лесбосе было найдено беспорядочное скопление небольших домов, занимавшее значительную площадь. Более того, одновременная им крепость в Трое представляет собой узкое, но внушительное сооружение, укрепленное богатым правителем, стремившимся таким образом защитить свои сокровища. Однако в большей части бассейна Эгейского моря археологи находят небольшие неукрепленные поселения, свидетельствующие о том, что на протяжении довольно продолжительного периода в этом регионе царил мир.

Культура всего данного региона, включающего не только саму Грецию, но и острова (в том числе Крит) и Западную Малую Азию, довольно однородна. Вероятно, с этим можно связать широкое распространение определенной категории топонимов, сохранявшихся и в эпоху классики, но не являющихся греческими. Наиболее показательными примерами являются названия, оканчивающиеся на *-нф*, такие как Коринф, или сибиллянты, которые греки записывали как *су су*, как в слове «Парнас». Встречаются также и нарицательные имена с

подобными окончаниями, в основном представляющие собой названия птиц и растений. Топонимы, относящиеся к этим категориям, чаще всего встречаются в тех частях Греции, где расположено большинство поселений раннеэлладского периода. Гипотеза о том, что на данном языке говорили жители Греции раннеэлладского периода, являвшиеся носителями довольно однородной культуры, и что греки позаимствовали из этого языка названия многих мест и некоторое количество слов, особенно связанных с фауной и флорой, с которыми они не сталкивались на своей родине, очень притягательна.

Независимо от того, говорили обитатели Греции раннеэлладского периода на этом языке или нет, нам следует предположить, что в какой-то момент туда пришли многочисленные группы людей, говоривших на индоевропейском языке, от которого впоследствии произошел древнегреческий. На протяжении некоторого времени большинство ученых считало, что это вторжение имело место около 1900 г. до н. э. и стало причиной начала среднеэлладской стадии древнегреческого бронзового века. В настоящее время понятно, что Лерна и некоторые другие памятники были разрушены при переходе от второй фазы раннеэлладского периода к третьей, и, соответственно, появление на этой территории пришлого населения следует датировать примерно 2100 г. до н. э. Правда, можно говорить и о том, что захватчики могли прийти в Грецию несколькими волнами. Непосредственно перед 2000 г. до н. э. и после него, очевидно, произошел какой-то вооруженный конфликт, и численность населения заметно уменьшилась. Кроме того, прослеживается определенный регресс по сравнению с тем уровнем развития цивилизации, который был достигнут в раннеэлладский период. Все это свидетельствует о вторжении, но ученые не смогли прийти к единому мнению о том, откуда прибыли захватчики. Аргументы, связанные с особенностями керамики, кажутся в настоящее время неубедительными. Но вполне возможно, что примерно в то же время другие захватчики, говорившие на индоевропейских языках, вторглись в район Средиземноморья и в Месопотамию. Так, в Анатолии появились хетты, в Вавилоне – касситы, в Северной Месопотамии возникло государство Митанни, и все эти люди не могли прийти с востока или юга. После первых потрясений начался период мирного восстановления и развития, происходило постепенное совершенствование различных технологий, и в Греции появилось крайне важное нововведение – одомашненные лошади. В правление царей, похороненных в шахтных гробницах в Микенах (см. ниже) и происходивших из мест, находившихся за пределами Греции, удалось достичь поразительно высокого уровня развития. Искусство этого периода испытывало на себе влияние различных иноземных элементов, в том числе сложившихся на минойском Крите.

Культура раннеминойского Крита очень похожа на характерную для раннеэлладской Греции и современной им Малой Азии. Если выводы, сделанные на основе изучения топонимов, являются верными, то можно предположить, что жители этих регионов также говорили на одном языке. В течение среднеминойского периода, вскоре после 2000 г. до н. э., обитатели минойского Крита создали высокоразвитую и весьма утонченную цивилизацию, значительно превосходившую все достижения их предшественников и их современников, живших в материковой части Греции. Основными ее центрами стали города, расположенные в центре острова, – Кносс на севере и Фест на юге. Судя по всему, дворцы этого периода, которые, однако, сложно отделить от более поздних зданий, как и более ранние постройки, не имели в своей основе какого-либо четкого плана, а представляли собой всего лишь сосредоточение различных групп помещений вокруг центрального двора. Однако сам их размер свидетельствует о могуществе и богатстве построивших их правителей. Фрески, украшавшие стены, и керамика, которой пользовались обитатели дворцов, ясно свидетельствуют, что на протяжении длительного периода жизнь в этом ныне потерянном мире была радостной и изысканной. В настоящее время ученые спорят о том, насколько сильно на минойский Крит повлияли контакты с высокоразвитой цивилизацией Египта. Однако в любом случае перед нами не просто сообщество

людей, подстраивавших под себя воспринятые извне образцы, а очень своеобразная и процветающая цивилизация.

Количества изображений кораблей, имеющихся в нашем распоряжении, достаточно для того, чтобы понимать, насколько важную роль играло для этих людей море. Созданное ими искусство оказало огромное влияние на существовавшее в соседних областях, сначала на созданное жителями островов, а затем на искусство материковой Греции. Эллины, жившие в V в. до н. э., были совершенно уверены, что Минос правил из Кносса морем. Кроме того, в Афинах огромной популярностью пользовалась легенда о том, как Тесей убил Минотавра и спас город от уплаты Криту ежегодной дани юношами и девушками. Однако ко времени появления письменных источников, которые мы способны прочесть, власть Крита над морем и материковой частью Греции (если она вообще имела место) закончилась – теперь островом владели сами греки. Сильный пожар, случившийся в Кноссе около 1400 г. до н. э., привел к тому, что некоторое количество глиняных табличек с надписями было сильно обожжено, благодаря чему они сохранились до нашего времени. Вырезанные на них тексты, написанные на древнегреческом языке, были расшифрованы, и выяснилось, что они представляют собой административные документы. Однако это была не самая ранняя форма письма, использовавшаяся на Крите. До нее существовала пиктографическая письменность, и ее более поздняя форма, получившая название «линейное письмо А», до сих пор не расшифрована и, возможно, использовалась для записи не-греческого языка, на котором говорило само население минойского Крита. Письмо, названное линейным письмом Б, сложилось на более поздней стадии развития письменности. В нем продолжили использовать некоторые более древние символы, не очень удачно адаптировав их к записи слов на древнегреческом языке, впервые отразившемся именно в этих источниках. Для того чтобы понять, как он появился в Кноссе, нам следует вернуться на материк.

Сведения о микенской Греции мы стали получать, когда Шлиман обратил свое внимание на хорошо укрепленную, но сравнительно непримечательную крепость – Микены, находящиеся в северо-восточной оконечности Арголиты. В шахтных гробницах, расположенных в большом могильном круге, прямо за Львиными воротами, было обнаружено поражающее воображение количество золота, маски, надетые на лица умерших, украшения для одежды и произведения ювелирного искусства, сосуды и многое другое, что позволяет нам, вслед за Гомером, вполне заслуженно называть Микены «златообильными». Впоследствии был обнаружен еще один, более ранний могильный круг, расположенный за стенами более поздней крепости, и мы вполне можем с уверенностью говорить о том, что эти изменения, совсем не похожие на все, что, как нам известно, происходило на материке прежде, начали происходить еще до конца бронзового века, около 1600 г. до н. э.

Возможно, использовать термин «микенский» относительно последней стадии бронзового века или называть преобладавшее тогда население «микенскими греками» неправильно, но эти названия удобны, и к настоящему времени их употребление неизбежно. Нерешенным остается вопрос о том, была ли Греция в XIV–XIII вв. до н. э. в той или иной степени единым государством со столицей в Микенах. Дворцы и богатые гробницы были найдены и в других городах, и в нашем распоряжении отсутствуют археологические данные, которые позволили бы говорить, что другие центры находились в те времена в зависимости от Микен. Для керамики и других артефактов, которые изготавливали в XIII в. до н. э. во всем регионе, характерна удивительная однородность стиля, и у этого явления должна быть какая-то причина. Однако политическое единство далеко не всегда подразумевает однообразие культуры и само по себе не является достаточным объяснением для него. Кроме того, расшифрованные письменные источники составлялись для управления местностями, центрами которых были Кносс и Пилос,

и в них нет подтверждений того, что оба этих города находились в зависимости от Микен. В них нет даже косвенных сведений об отношениях, сложившихся между этими центрами.

Гипотезу о владычестве Микен обосновывают с помощью двух крайне ненадежных доводов. Первым из них являются упоминания в хеттских текстах конца XIV–XIII в. до н. э. царя Аххиявы, названной соседней страной, расположенной где-то на западном побережье Малой Азии. Несмотря на некоторые филологические расхождения, в настоящее время считается, что это название связано с ахейцами, этнонимом, который Гомер чаще всего использовал для обозначения греков, отправившихся вслед за Агамемноном к Трое. На основании хеттских источников было выдвинуто предположение о том, что этот царь был малозначительным правителем, центр владений которого располагался неподалеку от азиатского побережья, например на Родосе. Другие ученые утверждают, что, судя по сведениям, содержащимся в источниках, речь в них идет о более могущественном правителе, каким и должен быть царь единой державы с центром в Микенах. Во-вторых, Гомер был убежден, что царь Микен превосходил других правителей, хотя поэт не сумел передать суть их отношений, столь чуждых грекам, жившим в более позднее время. Объяснить это проще, если предположить, что превосходство Микен было традиционным явлением, смысл которого ко временам Гомера уже не понимали, и не являлось более поздним изобретением. Однако последующая дискуссия по большей части сводится к природе источников из Кносса и Пилоса, и проблема существования в Греции объединенного государства отходит на второй план. Ниже термин «микенский» будет использоваться по отношению ко всей цивилизации без каких-либо ограничений.

Дворец в Микенах частично разрушился со стороны долины, над которой он возвышается, но мы можем дополнить свое представление о нем, взглянув на него с расположенного неподалеку, в Арголиде, холма, на котором стоял Тиринф, и из других точек. В Пилосе, находящемся далеко на юго-западе и, по легенде, служившем резиденцией Нестора, также был обнаружен огромный дворцовый комплекс. Следы дворцовых построек найдены на афинском акрополе и в Орхомене в Беотии, а также в других городах. Под современными Фивами также были обнаружены руины богатого дворца, раскопанного лишь частично. Дворцы были также в Южной Фессалии, где микенская цивилизация распространилась позднее. По большей части эти дворцы представляют собой скопления помещений, в целом мало отличающиеся от того, что мы видели на Крите. Основной отличительной чертой этих «материковых» дворцов является помещение, получившее название тронной залы. Оно принадлежит к типу, широко распространенному в среднеэлладский период и получившему от археологов название *мегарон*. Это прямоугольное здание, дверь которого находится посередине одной из коротких стен и ведет сначала в небольшую прихожую, откуда можно попасть в основное помещение. Подобные постройки на территории дворцов были снабжены портиком с колоннадой, за которым следовал вестибюль (порой довольно узкий), откуда посетитель попадал в большое помещение с потолком, опиравшимся на четыре колонны, стоявшие вокруг расположенного в центре очага. Напротив одной из стен этого мегарона ставили царский трон.

Имеющийся в нашем распоряжении археологический материал происходит не только из дворцов, но и из гробниц, к настоящему времени обнаруженных во многих частях Греции, причем некоторые из них содержат достаточно богатый погребальный инвентарь, позволяющий нам называть похороненных в них людей царями. Шахтные гробницы в Микенах, о которых речь шла выше, относятся к довольно раннему периоду. Позднее стали появляться более монументальные погребения: квадратный коридор, вырезанный в склоне холма, ведет в его толщу, где располагается проход в округлую погребальную камеру с ложным сводом. Первая из таких гробниц, найденная Шлиманом и названная им Сокровищницей Атрея, производит довольно сильное впечатление. Не менее роскошным является погребальный инвентарь, обнаруженный в неразграбленных гробницах. Однако мертвые получали эти дорогостоящие знаки

внимания только во время собственных похорон: когда тело разлагалось, кости микенского грека нередко отбрасывали в сторону, чтобы освободить место для нового захоронения.

Искусство Крита оказывало огромное влияние на микенское. На протяжении долгого времени существовавшее на островах, в XVI в. до н. э. оно стало распространяться по материке, и, взглянув на многие произведения того времени, можно узнать минойскую технику. Находясь в приятном возбуждении от открытия Артуром Эвансом Крита, ученые считали само собой разумеющимся, что в те времена, когда существовали эти памятники, минойская цивилизация распространила свою власть на материковую Грецию. Однако эта гипотеза оказалась ошибочной – у нас нет ни одного доказательства историчности критской колонизации. Так как эти артефакты являются произведениями критского искусства, можно предположить, что их изготовили критские мастера (или их ученики), работавшие на иноземцев и учитывавшие их вкусы. Сосуды, прекрасно выполненные инкрустированные кинжалы, скульптурные изображения на надгробиях – во всем этом отразился интерес к военному делу, чуждый искусству минойского Крита, в котором изображению людей уделялось гораздо менее пристальное внимание. Взглянув на золотые маски, найденные в шахтных гробницах (илл. 5а), части из которых, вероятно, придано портретное сходство с умершими, мы увидим усы и необычно подстриженные бороды, отличающие микенских царей от чисто выбритых правителей Крита.

Жители Греции периода существования микенской цивилизации активно передвигались по морю. Им удалось установить прочные торговые отношения с жителями западной части Южной Италии и построить торговые фактории на сирийском побережье. Уже в XIV в. до н. э. греческую керамику стали завозить в Трою, Египет и многие другие местности, в XIII в. до н. э. этот процесс стал идти более активно. При этом нередко данная керамика занимает место критской посуды, доставлявшейся в эти регионы прежде. Несколько микенских поселений выросли на месте минойских. Поэтому совершенно неудивительно, что эти люди могли захватить сам Кносс, богатейший центр этой на удивление мирной цивилизации, города которой не были обнесены стенами, а воины не носили доспехов. Судя по результатам последних археологических раскопок, это произошло в XV в. до н. э., но факты до сих пор остаются спорными. Греки переделали дворец, добавив к нему «тронный зал», отличавшийся, однако, от мегаронов, которые строили на материке. Он стал арсеналом и кладовой; его заполнили лошади, колесницы и другие вещи, включая доспехи, которых прежде на Крите не видели. Судя по письменным источникам, теперь Кносс стал управлять многими другими городами острова.

Затем, около 1400 г. до н. э., когда во дворце еще продолжалась перестройка, все это было внезапно уничтожено во время масштабного пожара, и представители микенской цивилизации, очевидно, покинули Крит. Причина этого не заключалась в падении микенской цивилизации – следующие двести лет стали периодом ее наивысшего развития, и мы не знаем, какая внешняя сила смогла бы нанести такой урон и привести к подобным результатам. Возможно, на Крите произошло восстание, и представители микенской цивилизации решили, что им не следует продолжать завоевание, так как они не смогут удержать все захваченные ими территории. Как бы то ни было, они ушли, и жители Крита, слава которого осталась в прошлом, на протяжении всей оставшейся части бронзового века сохраняли минойскую цивилизацию. Некоторые части дворца в Кноссе расчистили и заселили простые люди, но он перестал быть значимым центром.

Пришло время более пристально взглянуть на то, какой вклад в развитие антиковедения внесли недавно переведенные письменные источники. Тексты, написанные так называемым линейным письмом Б, впервые были найдены в Кноссе в начале XX в. Еще одна находка большего собрания табличек с линейным письмом Б была сделана в Пилосе сразу после Второй мировой войны. Несколько подобных текстов были обнаружены в Микенах, а также в Фивах.

Сами знаки этого письма встречаются повсеместно. В основном это нарисованные на сосудах символы, которые были найдены в Фивах и на территории других памятников. Все эти тексты, за исключением последних, сохранились благодаря пожарам в зданиях, где они находились. Выдавленные на влажных глиняных табличках, которые затем сушили, они не предназначались для длительного хранения. Это были всего лишь записки, сохранившиеся до наших дней лишь потому, что волей случая были обожжены. Судя по форме знаков, совсем не похожих на клиновидные символы, давшие название клинописи, линейное письмо Б предназначалось не для ведения записей на глиняных табличках, а скорее для нанесения на какую-то поверхность пером или кистью. Если с его помощью и записывали тексты, которые должны были сохраниться на протяжении долгого времени, то, по иронии судьбы, для этого использовали какой-то недолговечный материал.

Сложно сказать, использовали ли эту форму письма для записи текстов, отличных от немногословных административных документов, черновики которых сохранились до нашего времени на грубых глиняных табличках. Будучи слишком сложным и путанным для передачи слов древнегреческого языка, оно могло казаться подходящим только для таких случаев, когда образованные писцы точно знали, что именно подразумевали их коллеги, когда делали свои записи. Однако столь же сложные формы письменности использовались по всему древнему Ближнему Востоку, причем на них составлялись как царские надписи, так и дипломатические письма. Мы не знаем, хорошо это или плохо, но микенские цари не стремились увековечивать свои подвиги в текстах, вырезанных на камне, но они должны были посылать друг другу и иноземным правителям письма, для которых, очевидно, использовался какой-то недолговечный материал. Судя по тому, что почерк, а также многие термины, использованные в текстах, обожженных во время пожара, произошедшего в Кноссе примерно в 1400 г. до н. э., и в тех, что были выдавлены на глиняных табличках, обожженных во время пожара в Пилосе около 1200 г. до н. э., идентичны, можно предположить, что писать умели лишь немногочисленные профессионалы. Как и в случае со многими клинописными документами, почерк, которым специалисты записывают тексты, предназначенные для ограниченных целей, может быть столь же одинаков и неизменен, в то время как в обществе, где велико количество людей, умеющих писать и читать, где письменность свободно используется для достижения множества различных целей, он за два столетия может значительно измениться. (Консерватизм, о котором здесь идет речь, до сих пор не дает ученым покоя, что привело к попыткам пересмотреть датировки и уменьшить временной разрыв между двумя названными выше событиями, а именно отнести пожар в Кноссе к гораздо более позднему времени. Однако археологические данные противоречат этой гипотезе.) В любом случае ввиду тех обстоятельств, благодаря которым сохранились эти таблички, крайне маловероятно, что археологи когда-либо найдут исторические или литературные тексты, записанные линейным письмом Б.

Писцы работали в рамках системы, которая была им хорошо знакома, но о которой мы совсем ничего не знаем. В каждом отдельном случае они записывали только те детали, которые считали необходимыми, из-за чего мы не знаем ни контекст, ни исходные предпосылки, а также многие специальные термины. Однако нам совершенно ясно, что эти тексты использовались в работе четко построенной и тщательно продуманной дворцовой бюрократической машины, «винтикам» которой нужно было знать все, что кто-либо сделал или не сумел сделать. Мы полагаем, что она могла быть столь же неэффективной, как и централизованные административные аппараты, существовавшие в других местах и в другие исторические периоды. Однако в этих текстах ясно отразилось стремление их авторов и читателей принимать участие во всем, и одного этого вывода достаточно для того, чтобы понимать, насколько микенская цивилизация была не похожа на сформировавшуюся после ее гибели. Если говорить более конкретно, то данные источники свидетельствуют о том, насколько сильно жизнь царей эпохи позднего

бронзового века отличалась от той, которую вел Агамемнон и о которой мы знаем благодаря Гомеру.

Царь находился на вершине политической иерархии и носил титул *ванакс*, который продолжал использовать в отношении правителя еще Геродот. Но для него это слово, которое он применял намеренно и которое впоследствии стало употребляться в отношении богов, уже было архаизмом. Лавагета (этот титул можно перевести как «предводитель народа») ученые довольно быстро стали считать военачальником, хотя ни в одном письменном источнике об этом прямо не сказано. Благодаря текстам, написанным линейным письмом Б, мы также узнаем другие титулы, большинство которых прежде было нам неизвестно. Среди них встречается и слово *басилевс*, впоследствии использовавшееся греками для обозначения царя, однако положение носившего его человека, судя по всему, в рассматриваемый нами период не было очень высоким. Нам приходится буквально на ощупь определять значение этих титулов и связанные с ними функции, но их большое количество и разнообразие говорят сами за себя. Такое разнообразие функций, необходимых для обеспечения общественной жизни, появится только во времена расцвета в греческих городах демократии.

Работавшие в дворце чиновники должны были точно знать, что в него доставляют из деревень, получают от других официальных или неофициальных лиц, и фиксировать в письменной форме недоимки и избытки. К примеру, из дворца в Пилосе кузнецы получали бронзу, причем писцы отмечали, сколько металла было передано каждому мастеру, и указывали его имя. Кроме того, они записывали имена кузнецов, не получивших бронзу. Благодаря этому мы можем делать выводы о том, сколько кузнецов в каждой из примерно дюжины деревень не работало на дворец в годы, непосредственно предшествовавшие разрушению дворца в Пилосе. Писцы также перечисляли все, что хранилось в дворцовых кладовых. Мечи, копья и стрелы, доспехи и шлемы, колесницы и их колеса – все это описывается настолько подробно, что нередко излишние детали делают текст малопонятным. Даже внося в список сведения о паре неисправных колес, писец считал своим долгом указать, к какому типу они относятся. Подробно перечислялась и мебель: столы, стулья и скамеечки для ног, причем если сами названия этих предметов домашнего обихода нам более или менее понятны, то для подробного описания особенностей их орнамента используются термины, значение которых было утрачено вместе с техникой ее изготовления. Когда древнегреческое ремесло снова достигло высокого уровня развития, мастерам пришлось снова разрабатывать терминологию.

Ученым, озадаченно вчитывающимся в списки различных предметов, помогают археологи, однако ситуация значительно усложняется, когда дело доходит до очень интересного собрания источников, касающихся форм землевладения, существовавших в Пилосе. В текстах встречаются два слова, обозначающие участок земли, причем одно из них в более поздних источниках не употребляется, а второе использовалось в эпоху эллинизма на Родосе, но, судя по всему, в другом значении. Второе слово поочередно сопровождается двумя причастиями, очевидно обозначающими две разные формы землевладения. Наименее понятное из этих двух слов довольно часто встречается со словосочетанием «от народа» (см. ниже). Перед нами еще один случай, когда отсутствие систематического словаря заставляет нас оставаться в неведении. Приведем пример, очень сильно расстраивающий ученых. Среди текстов довольно часто встречаются перечни обязанностей, не выполненных теми или иными людьми, и это могло бы позволить нам делать далеко идущие выводы об условном землевладении. Однако существует большая вероятность того, что тексты, входящие в наиболее полные собрания, имеют религиозный контекст, в связи с чем эти обязанности могли подразумевать совершение жертвоприношений и не были связаны с личностью правителя. Сам факт того, что многие из держателей участков земли названы в этих письменных источниках «рабами бога», возможно, является довольно нетипичным для региона в целом. Однако все же существует возможность того, что владение землей подразумевало выполнение воинской обязанности. В нашем рас-

поряжении имеется несколько перечней воинских контингентов (читатель вряд ли удивится, узнав, что для указания на разные категории солдат используются непонятные и прежде неизвестные термины), а также ряд текстов, в которых упоминаются гребцы. Нам не следует притворяться, будто мы понимаем, как была организована система укреплений и обороны Пилоса, но в одном малопонятном предложении письменного источника, несомненно посвященного недостающим гребцам, используется терминология текстов, в которых речь идет о землевладении. Вполне вероятно, что человек, получивший в пользование участок земли, должен был предоставить одного или нескольких людей для защиты государства.

Рабочая сила была многочисленной и очень дифференцированной. К примеру, в нашем распоряжении имеется ряд текстов, где упоминаются женщины, относящиеся к различным категориям, и их дети (как правило, перед именем следует топоним), причем нередко наряду с указанием количества пшеницы и инжира, которые, как считают многие исследователи, составляли их ежемесячный рацион. Порой для обозначения их рода занятий используются малопонятные слова, но поражает сам факт того, что кто-то вообще посчитал необходимым записать сведения об этих отдельных группах людей и что жившим во дворцах правителям и членам их семей требовались столь специализированные услуги. Мужчины, служившие царю и другим, также обладали очень узкой специализацией. Названия одних «профессий» сохранились и в Греции более позднего времени (кузнецы и свинопасы нужны были и до гибели микенской цивилизации, и после нее), другие хуже поддаются идентификации. Некоторые из перечисленных людей пользовались относительной личной свободой. Писцы, упоминая четырех женщин из деревни возле Пилоса, не случайно указали, что их мать была рабыней, а отец – кузнецом, в то время как отец шести других женщин был рабом. Очевидно, положение кузнеца отличалось от занимаемого рабом, что бы это ни сулило дочерям каждого из них. В микенской Греции, несомненно, были не только «рабы бога», которым дворец предоставил участки земли неподалеку от Пилоса, но и рабы, принадлежавшие отдельным людям, но в некоторых отношениях с ними, вероятно, обращались так же, как и с лично свободными. Рабство и свобода в этом древнем обществе могли приобрести формы, которые могут показаться нам довольно странными.

В Пилосе человек, очевидно, мог получить землю какой-то определенной категории «от народа», а также от отдельных людей. «Народ» поставлял пшеницу, вино и другие продукты богу Посейдону. Это вызывает очень интересные вопросы, на которые мы пока не можем дать ответы. Слово *дамос* (в аттическом диалекте *демос*, термин, сохранившийся до наших дней в составе понятия «демократия») может, как и наше понятие «народ», означать целый этнос или простых людей, противопоставляющих себя знати. Существовали и другие оттенки смысла. Каким бы ни было точное значение этого слова, мы можем говорить о существовании определенного сообщества людей, противопоставлявшегося царю, возможно, деревенской общины, а может, группы служителей определенного религиозного культа. В подобные сообщества могли быть организованы «лично свободные» люди, о которых речь шла выше. Но, учитывая характер имеющихся в нашем распоряжении источников, мы можем сделать вывод о том, что они вряд ли обладали настоящей независимостью.

Говоря о хозяйстве того времени, мы должны охарактеризовать деятельность дворца, получавшего продукцию и, несомненно, многое другое от подданных царя и распределявшего продукты питания и материалы в случаях, когда нужно было что-то сделать. При этом дворцовые писцы вели подробные списки всего полученного и выданного, а также того, что должно было быть получено или выдано. В имеющихся в нашем распоряжении источниках не упоминается ничего, что не было бы связано с дворцовым хозяйством, и вполне вероятно, что оно затрагивало всю территории государства. В текстах не упоминаются ни деньги, ни какой-либо эквивалент стоимости, предметы просто подсчитываются, взвешиваются или измеряются. В них также ничего не сказано об обмене товарами с иноземцами, и мы имеем все основания полагать, что дворец, под контролем которого столько всего находилось, руководил и им.

Соответственно, встают вопросы о том, чем цари платили за золото и слоновую кость, которые должны были доставлять издалека, и как они поддерживали всю сложную иерархическую структуру. Эти же вопросы актуальны и для минойского Крита, где не было ресурсов, недоступных на территории материковой Греции. Земля была способна производить избыток масла и вина, экспорт которых в более поздние времена, возможно, даже превышал потребность в импорте пшеницы из других стран, но очень сложно поверить, что микенские и минойские цари обрели такое сказочное богатство лишь благодаря доходам от вывоза этих продуктов. В более поздние времена греки процветали благодаря морской торговле, а микенцы, закрепившиеся как в Леванте, так и на далеком западе, могли получать доход от посреднических операций. Однако вряд ли минойский Крит, установивший связи с Египтом и другими странами и народами, а также с островами Эгейского моря, но на протяжении долгого времени не имевший контактов с материковой Грецией, находился в той же ситуации, так как не похоже, что он являлся крупным торговым посредником. Нет у нас и свидетельств того, что ремесленные изделия микенской Греции пользовались спросом в соседних странах, хотя в более поздние времена их активно экспортировали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.